

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей**

**МОНГОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории и археологии**

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

**Материалы научной конференции памяти
Сергея Григорьевича КЛЯШТОРНОГО
(1928–2014)**

16–17 февраля 2015 г.

Санкт-Петербург

**Санкт-Петербург
Улан-Батор
2016**

Сергей Григорьевич Кляшторный

СОДЕРЖАНИЕ

С. Г. Кляшторный — Ученый и Учитель	12
Конференция «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем».....	16
С. Г. Кляшторный. Библиография опубликованных работ (2013–1951)..	21

С. Г. Кляшторный глазами коллег и учеников

Доклады

Ф. М. Асадов. Хазары и барсилы в исследованиях С. Г. Кляшторного	48
Д. Д. Васильев, В. В. Тишин. Сергей Григорьевич Кляшторный (04.02.1928–21.09.2014).....	59
И. В. Кульганек. Монголия и монголы в фотообъективе Сергея Григорьевича Кляшторного — археолога, историка и этнографа	67
Д. А. Носов. О вкладе С. Г. Кляшторного в изучение взаимодействия фольклора и литературы	77
Р. Ю. Почекаев. Роль трудов С. Г. Кляшторного в изучении государственности и права тюркских народов Евразии.....	86
А. С. Сараев. Дискуссия о происхождении ранних тюркоязычных народов и вклад в нее С. Г. Кляшторного	95
В. В. Тишин. Работы С. Г. Кляшторного и некоторые проблемы социальной истории Тюркского каганата VI–VIII вв.	112

Тезисы докладов

И. Ф. Попова. С. Г. Кляшторный: жизнь в науке	121
А. В. Витол. «Кристаллизация» темы исследований С. Г. Кляшторного в 1950–1964 гг.	121
И. К. Загидуллин. С. Г. Кляшторный и концепция семитомной «Истории татар с древнейших времен»	123
А. А. Колесников. О вкладе С. Г. Кляшторного в возрождение военного востоковедения	124
Б. Кумекоев. Светлой памяти выдающегося тюрколога, друга и учителя Сергея Григорьевича Кляшторного	125
В. В. Трнавлов. Тюркологические исследования начала XXI века и «Тюркологический сборник»	125
Д. М. Насилов. Сергей Григорьевич Кляшторный и российская тюркская филология.....	126
В. З. Церенов. Вспоминая С. Г. Кляшторного	127

Статьи

Т. К. Абдиев. К проблеме взаимосвязи Енисейских надписей и современного киргизского языка	128
Н. Б. Бадмацыренова. Временной порядок и формы изъяснительного наклонения в монгольском языке.....	134
А. А. Бурькин. Алтайская теория в свете сравнительно-исторического языкознания, ареальной лингвистики и смежных гуманитарных дисциплин	138
Р. М. Валеев, О. Д. Васильюк. Тюркологическое наследие А. Е. Крымского на рубеже XIX–XX вв.....	153
Г.-Р. А.-К. Гусейнов Хоны Северо-Восточного Кавказа и Дагестана и начало зарождения тюркской письменной традиции.....	160
Ю. И. Дробышев. Каракорум и вулкан Хорго	167
Ю. И. Елихина. Коллекция находок экспедиции В. Л. Котвича из городища Хара-Балгасун, хранящаяся в Государственном Эрмитаже	178
А. Ш. Кадырбаев. Степные народы и периодизация истории России в концепции ранних евразийцев	186
А. К. Камалов. К интерпретации этнополитонимов <i>отуз-татар</i> и <i>токуз-татар</i> древнетюркских рунических текстов	195
И. В. Кормушин. Енисейские страдания-1 (Цикл заметок о разногласиях в чтении и интерпретации енисейских рунических текстов, а также по времени их создания)	205
И. Л. Кызласов. Енисейская эпитафия из Восточного Туркестана.....	216
А. М. Мокеев. К вопросу о происхождении и значении политической титулатуры <i>ажо</i> и <i>иди</i> енисейских и алтайских кыргызов	229
Simone-Christiane Raschmann. The Old Uyghurs between East and West	238
Д. М. Тимохин. К вопросу о причинах начала монголо-хорезмийской войны (1219–1221 гг.) по арабо-персидским источникам	247
В. З. Церенов. Манутохай — ставка калмыцких ханов (семантика и локализация топонима)	257
Резолюция конференции «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем» памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014) 16–17 февраля 2015 г.	266
Список авторов статей и выступлений	268

ЕНИСЕЙСКАЯ ЭПИТАФИЯ ИЗ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА

Аннотация. Эпитафия, обнаруженная в 2007 г., является важным и пока единственным материальным свидетельством пребывания близ Бешбалыка носителей енисейского государственного письма Древнехакасской державы. Палеографическое определение нового рунического памятника указывает и на вовлечение в дальние военные кампании IX–X вв. воинов автохтонного населения Тувинской котловины.

Ключевые слова: рунология, енисейские эпитафии, Восточный Туркестан, Бешбалык

В середине января 2009 г. профессор Пекинского университета Линь Мейцунь (Lin Meicun) сообщил мне о находке на востоке Синьцзяна стелы с рунической надписью и прислал ее фотографии (илл. 1, 2). Памятник был обнаружен в 2007 г. сотрудником Кимсарского окружного музея (в письме профессора Линя — Kimsar, Kimsar County Museum; в прочих источниках — округ Джимсар (Jimsar County) в Автономной префектуре Чанцзи Хуэй (Changji Hui Autonomous Prefecture, Джунгария, предгорья хребта Богдо-Ула). В 2009 г. этот человек оказался среди слушателей курса археологии Шелкового пути, читаемого профессором Линем, которому и передал фотоснимки находки. Она была сделана близ деревни, носящей имя р. Эргонхэ (Village of the Ergonghe River; Ergongxiang) к востоку от окружного центра. Профессор Линь прислал мне китайскую карту Синьцзяна, на которой обозначил место находки (я же предлагаю смотреть карту: <http://www.maplandia.com/china/xinjiang-uygur/jimsar/jimsar/>), и обратил мое внимание на то, что на землях округа в эпоху Уйгурского каганата находился город Бешбалык. Он предложил мне прочесть саму надпись и, в случае успеха, издать ее.

Тогда же, направив коллеге прочтение и палеографическую характеристику надписи, ясно различимой на фотоснимках, и высказав соображения о датировке и обстоятельствах появления письменного памятника (предположительно связав их с известными походами армии кыргыз-кагана против уйгуров в 840-е гг.), я запросил сведения о его археологическом окружении. Оказалось, что близ стелы с надписью находятся каменные курганы и стелы, надписей не имеющие. Профессор Линь предположил, что могильник принадлежит древним кыргызам, приложил к письму несколько его фотоснимков (илл. 3, 4) и поинтересовался, известны ли подобные курганы где-нибудь еще. У меня нет оснований связывать эти объекты с тухтятской археологической культурой, к которой, как хорошо

Илл. 1

Илл. 2

известно, принадлежит подавляющее большинство енисейских эпитафий, где бы они ни находились.

Что же касается надписи, то она вполне ясна. Семь составляющих ее знаков были глубоко высечены на сужающейся верхней части когда-то стоящей, а ныне поверженной сланцевой стелы (илл. 1, 2). Вид нижней части камня указывает, что он был сбит не так давно, а основание его осталось на месте, вкопанным в землю. На подвергшейся пустынному загару поверхности руны выделяются светлой вертикальной строкою, направленной

Илл. 3–1

снизу вверх. Перед нами несомненное соблюдение характерной енисейской традиции использовать для эпитафий лишь стоявшие в степи древние камни и, нарушая выбивкой их потемневшие грани, тем самым писать «белым по черному» [Кызласов 2013, с. 86; Кызласов 2014, с. 38–41, рис. 2–5]. Нет сомнения, что в данном случае была вторично использована стела, подобно прочим, некогда водруженная на близлежащем древнем могильнике (ср. илл. 3, 4). Размеры камня и нанесенных на него рунических знаков остались неизвестными.

Надпись читается справа налево: **↑ ∞ > ∞ | ➤ Ъ**

Транскрипция: **öm(ü)š tutuq** (личное имя и титул)¹.

Имя образовано от глагола *ö-* «думать, размышлять» [ДТС 1969, с. 375] и грамматически является причастием абсолютного прошедшего времени на *-miš/-müš*, которое здесь субстантивировано. Буквальное значение этого личного имени «тот, о ком думали», по-видимому, так нарекли ожидавшегося в семье сына. Третья руна надписи, имеющая вид вертикальной черты, может читаться не только как *š*², но и как *s*². Второе слово *tutuq* — известный титул, восходящий к должности военного правителя области [ДТС 1969, с. 593]. Тем самым надпись оставлена в память воина-аристократа.

¹ В транскрипции две подчеркнутые буквы передают один рунический знак.

Илл. 3–2

Палеографические особенности надписи (облик знаков для ᚨm и ᚨt^1 , направление строки снизу вверх), как и сам факт использования древнего менгира, указывают на енисейский алфавит и енисейскую традицию поминовения усопших витязей. Прямой отводок от ствола руны ō/ū является поздней особенностью, отмеченной со второй трети VIII в. по IX–X вв. К такой же поздней форме относится и руна цq (см. прим. 1 — И. К.) с острецом наверху [Кормушин 1975, табл. 2, 6; Васильев 1983а, табл. 4, № 8; табл. 13, № 21, 23].

Несмотря на всё сказанное, туркестанская стела не может быть отнесена к классическому енисейскому канону. Отсутствие на камне лично-фамильной тамги умершего, обязательной для древнехакасских памятных плит этого времени, и предельная краткость текста, содержащего только титулованное имя усопшего, — весьма показательные особенности, позволившие выделить внутри енисейских эпитафий отдельную группу. Она немногочисленна и, совпадая в эпиграфических признаках, в свою очередь, разделяется на две обрядовых формы, вполне определенно расположенные в саяно-алтайских пределах. Образцы первой ее разновидности встречены лишь на Верхнем Енисее, а второй — в примыкающих землях Чуйской степи на Алтае [Кызласов 2010, с. 96–97, рис. 8].

Илл. 4-1

Илл. 4-2

В отличие от классических рунических памятников, поставленных к востоку и юго-востоку у курганных захоронений древних хакасов [Кызласов Л. Р. 1960, с. 100–120; Кызласов Л. Р. 1969, рис. 42], завоевавших в IX в. Тувинскую котловину, эти каменные знаки с письменами относятся не к погребальным, а к поминальным автохтонным комплексам, имеющим традиционный для этих мест вид небольших каменных курганов [Кызласов 1994, с. 182, 183; Кызласов 2010; Кызласов 2015, с. 200, 201]. Эпитафийная традиция, возникнув в Туве под древнехакасским влиянием еще в середине VIII в. [Кызласов Л. Р. 1960, с. 97, 98], не получила широкого распространения и лишь дополнила применением рун здешнюю древнюю обрядность — немой столб-менгир, поставленный у жертвенного кургана. Типологически во всем подобны публикуемой туркестанской стеле три тувинских писанных памятника: Оттук-Даш I (Е 4), содержащий лишь личное имя и должность *küč qij(a)γ(a)n ičr(ä)ki* — букв. «Придворный Сильный Кыяган¹», Сайгын (Е 57) — *beηü čor* «Вечный Чор» (имя собственное или еще и титул); Оттук-Даш II (Е 64) — *jük(ü)nč² t(i)r(i)g* «Сотворение Молитвы Живой» (имя собственное) [ДТС 1969, с. 285, 562]. В последнем случае вероятно вложение в прозвание того же смысла, что заключен и в имени кимсарской стелы: так

¹ Основной компонент имени образован от глагола *qij-* «1. срезать, резать наискось; 2. отступать, отказываться от своих слов, нарушать свое слово» [ДТС 1969, с. 440, 441], что сложно сочетать со значением, вкладываемом тогда в мужское имя. И. В. Кормушин [Кормушин 2008, с. 30, прим. 4] оправданно привлекает к пониманию ситуации современное турецкое значение этого слова — «упорный, не уступающий силе, отстаивающий себя, свое».

² Чтение *jük(i)η*, практикуемое с самого начала [Батманов, Кунаа 1963, с. 23; Кормушин 2008, с. 30; ср.: Васильев 1983б, с. 16], палеографически неоправданно, поскольку руна η имеет вертикальный, а не выгнутый ствол, отмеченный изданными прорисовками и фотографиями [Батманов, Кунаа 1963, с. 21, 22, рис. 9, 10; Васильев 1983б, с. 72, 86, обозначение «Е 4» — опечатка], а также прорисовкой Л. Р. Кызласова, изучавшего подлинник в 1962 г. (личный архив). Руна ηč яснее всего передана ретушированным фото Д. Д. Васильева и прорисовкой Л. Р. Кызласова. Отказ издателей надписи от прочтения *jük(ü)nč* («совершение молитвы, поклонение») следует, по-видимому, объяснять теми психологическими трудностями, о которых не раз говорит И. В. Кормушин [Кормушин 1997, с. 5, 76], и которые всякий раз испытывают те филологи, кои недооценивают уровень культурного развития южносибирского общества раннего средневековья. Ныне уже невозможно отрицать существование северного, сибирско-тюркского манихейства [Кызласов Л. Р. 1998], книжной религии, имевшей развитую церковную организацию, сложную литургию и пользовавшейся руническим письмом.

могли назвать долгожданного, вымоленного у божественных сил сына. Время появления названных памятников определяется надежно, они позднее 840 г., а время их бытования включает X в. Стела Е 57 выглядела поздней, но ее отнесение к XI–XII вв. вызвало сомнения у самого исследователя [Кызласов Л. Р. 1965, с. 47, 48, № 4, 39, 41], что справедливо, поскольку, как можно сейчас судить, сам обычай установки эпитафий закончился на Енисее в XI в., может быть даже в XII в. [Кызласов Л. Р. 1965, с. 46–48; Кызласов 1983, с. 21, рис. 26, 1; Кызласов 2013, с. 84–86]. Камни Отгук-Даш некогда были повалены и лежали на одном кургане, курган с эпитафией Сайгын был раскопан, показав принадлежность серии к поминальным объектам, которые, вероятно, относить к народу чиков [Кызласов Л. Р. 1965, с. 41; Кызласов 2010, с. 89, 96–98, рис. 1].

В области аристократического поминального ритуала в Тувинской котловине после 840 г. сложилась весьма показательная ситуация. В результате прямого воздействия на местные обычаи культа, свойственного пришедшей древнехакасской (кыргызской) знати, появились письменные памятники, соединившие обе мемориальные традиции. Палеографический анализ выявил памятники, поставленные именитым захватчикам, но начертанные здешними писарями и каменотесами. Ныне известно 6 таких эпитафий: тексты их выведены аборигенным алфавитом, а сами стелы отмечены лично-семейными тамгами древнехакасской знати (Е 15, Е 16, Е 41, Е 42, Е 49, Е 65) [Кызласов 1991, с. 78–81, рис. 4, 5; Кызласов 1994, с. 93–98, 117–121, табл. XXVI, XXXI–XXXIV, рис. 9; Кызласов 1998, с. 76, рис. 1; Кызласов 2015, с. 197–200, рис. 3].

Но и классическая эпитафийная традиция, пришедшая со Среднего Енисея, оказалась целиком воспринятой по крайней мере одной из знатных семей тувинских чиков, той, что обладала геральдическими знаками в виде птичьей лапки (именно тамги объединяют эти памятные стелы в единую группу: Е 2, Е 51, Е 109, Е 110) и владела долиной р. Уюк, быть может, только ее прилегающим к Саянам левобережьем. Опираясь на хорошо известные для средневековья примеры вхождения покоренной элиты в новый аппарат власти, можно думать, что столь полное примыкание к изначально чуждому ритуалу было вполне осознанным — среди вассалов кыргыз-кагана в Тувинской котловине витязи этого семейства, обладая пограничными с Хакасией землями близ проезжей тропы через Когмен, заняли высокую иерархическую ступень и в официальных проявлениях стремились слиться с аристократией нового для них государства. Письменные памятники представителей этой семьи отмечены вполне каноничными горестными текстами, идущими от первого лица. Наиболее ранний из них памятник

Е 2 (конец VIII — начало IX в.) был даже поставлен у *погребального*, как у древних хакасов, а не у *поминального*, как у чиков, кургана. Однако это захоронение, археологически изученное (Уюк-Аржан, курган 54), было совершено по местному для Тувы обряду. Самобытным оказалось и размещение его эпитафийного текста на стеле: горизонтальными, а не вертикальными, направленными снизу вверх строками, как в прочих случаях енисейской традиции. Только в этой первой эпитафии использованы знаки местного алфавита, памятники ближайших потомков выполнены правильными рунами енисейского письма [Кызласов Л. Р. 1960, с. 97–100, рис. 1, 2; Кызласов 1994, с. 228–230, табл. XXXI, рис. 37; Кызласов 1998, с. 68–70, рис. 2–4; Кызласов 2015, с. 198–200, рис. 2, 3].

Другое отражение пришлового ритуального влияния представляют относительно пространственные памятные надписи (Е 58, Кезек-Хурээ и Е 60, Саргал-Аксы), которые нанесены по классическому канону, но были водружены у чикских поминальных курганов и, согласно местным представлениям, не имели геральдических знаков [Кызласов Л. Р. 1960, с. 103, рис. 10, 1; Кызласов 2010, с. 89, 92–94, табл. № 10, 24, рис. 2–5]. Эта серия памятников позволяет понять, что упомянутые выше эпитафии уюкских князей отмечены фамильно-личными тамгами вслед древнехакасскому установлению. Отмеченная двоякая картина воздействия поминальной традиции Среднего Енисея на раннесредневековую культуру Тувы в равной мере служит еще одним доказательством государственного статуса енисейского письма и его официальных памятников.

Наблюдения такого рода можно продолжить. Местная самобытная форма лаконичных эпитафий Тувы также подверглась воздействию официального эпиграфического канона. Однако проявление этого оказалось весьма интересным. Так, на стеле Оттук-Даш III (Е 54), соседствовавшей с Е 4 и Е 64, в соответствии с чикской традицией выбито только титулованное имя с чинами [Кормушин 1997, с. 212, 213; Кормушин 2008, с. 145, 146]: *jüč in(a)l ur(u)ŋi s(a)ŋin* «Юч-ынал знаменный полководец», однако ниже рунической строки помещена и тамга умершего, позволяющая, во-первых, отнести памятник к концу IX в., а во-вторых, указывающая на принадлежность ее владельца не к чикскому, а к знатному древнехакасскому роду (к тамгам так называемой I группы) [Кызласов Л. Р. 1965, с. 48, № 44, рис. 1, 16]. Перед нами пример воздействия местного правила оформления эпитафий на пришлую традицию. Как видим, это случилось через несколько десятков лет после того, как в Туве прижились родовитые носители новой власти.

Другое подобное явление можно наблюдать в еще более позднее время: близ раскопанного кургана XI–XII вв. у пос. Малиновка, содержащего

погребение по древнехакасскому обряду трупосожжения на стороне, в соответствии с классическим ритуалом была с юго-восточной стороны водружена каменная стела со строками эпитафии, устремленными снизу вверх. Однако, несмотря на богатство захороненного князя, памятник оказался лишен его лично-семейного геральдического знака [Кызласов Л. Р. 1960, с. 103, 117, рис. 5, 10, 2, 11–13; Кызласов Л. Р. 1969, с. 112, рис. 43, 44, 46, 47, 2], а саму надпись на этой стеле Е 56, судя по примененным знакам, выполнил чикский писец [Кызласов 1994, табл. XXXI; Кызласов 2015, рис. 3, 5].

Таковы эпиграфические свидетельства вхождения в светскую и духовную власть Древнехакасского государства и, тем самым, сохранения былой общественной роли как оказавшихся в политическом подчинении чикских родовитых князей, так и чикских священнослужителей — сословия писарей-каменотесов, производивших ритуальную установку памятных стел представителям новой аристократии. Выполняя требования привнесенных из-за Саян обрядов, грамотеи Тувинской котловины продолжали одновременно сохранять самобытную письменность предков, по крайней мере, на протяжении 2–3 столетий.

Рассматривая южносибирские камни с лаконичными именованными эпитафиями, для полноты картины остается указать на их горноалтайские аналогии. На двух стелах, еще в раннем железном веке установленных в квадратных оградках в долине реки Боро-Бургазы, правом притоке Чуи, были вторично вырезаны рунами личные имена. Один раз в составе краткой фразы (*e*)r (*a*)ti (*ö*)riü *aj* «Его имя эра (~ Его мужское имя) Ёнрю Ай» (Талду-Айры), другой – просто **ᠶ** **ᠬ** **ᠲ** **ᠬ** *tutuk* «Тутук» (Бар-Бургазы II). (В последнем случае для всех согласных применены руны мягких слогов, хотя ожидалось твердорядное полногласное написание — **ᠮ** **ᠲ** **ᠬ** **ᠲ** *tutuq* или **ᠮ** **ᠲ** **ᠬ** **ᠲ** *tutuq*, но, таковы особенности местной псевдорунической орфографии [Кызласов 1996, с. 126–130, рис. 2–6; Кызласов 1997а, с. 177–184, рис. 5–8; Кызласов 1999, с. 98–106, рис. 2–7]. На енисейскую принадлежность надписей указывают их снизу вверх направленные строки и характерный облик руны **ᠲ**¹, использованной в первом случае. Сходство с чикским канонном усиливает отсутствие на стелах личных тамговых знаков, относящихся к надписям. Указанные эпиграфические особенности позволяют эти именованные надписи на горноалтайских стелах считать эпитафиями.

Такому жанровому определению способствует и еще один письменный памятник, стоящий в низовьях этой реки в подобной квадратной оградке — стела Бар-Бургазы I. На ней одной восходящей строкою вырезан текст, содержащий характерную лексику енисейских эпитафий. Ни имени, ни тамги на камне нет [Кызласов 1997б]. На противоположном берегу существовали еще две стоявшие

в оградках эпитафийных стелы (Кызыл-Кабак I и II), текстологическая работа с которым не завершена. Их поминальный характер проявлен употреблением характерной лексики енисейских эпитафий (глагол *adüril-* «быть отделенным, разлучаться» в значении «умереть» [ДТС 1969, с. 12]; *esizim* «о, горе мне»; орфография псевдоруническая) [Кляшторный, Кубарев 2002: рис. 2, 3; Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012, с. 123, 125; Васильев 2013, с. 217–220]. Судя по оставшимся обломкам, тамги у основания стел изображены не были.

Эта, хотя и немногочисленная, серия использованием енисейского письма, вертикальным размещением восходящих строк, отсутствием на стелах тамг и, в двух лаконичных случаях, начертанием только личных мужских имен может быть сопоставлена с указанными выше самобытными памятниками Тувы. Их сближает еще одна особенность, в полной мере проявившаяся на стеле Бар-Бургазы I — размещение текста не посередине, а вдоль левого края камня (ср. надписи Сайгын и Кезек-Хурээ — Кызласов 2010, рис. 1, 1, 4, 1]. Эта особенность, как и краткость текста, также присуща надписям Тувы, начертанным все еще не расшифрованным южноенисейским алфавитом (долина р. Эдегей, стелы Ю 12, Ю 13 и Ю 16) [Кызласов 1994, с. 309–312, 314, 315]. Однако существенная и стойкая обрядовая черта, проявленная во всех горноалтайских случаях — вторичное использование стел размещенных в квадратных оградках — не позволяет отнести их к чикской традиции лаконичных эпитафий, связанной не с оградками, а с поминальными курганами.

Все изложенное выше доказывает принадлежность публикуемой восточнотуркестанской стелы к особой группе енисейских эпитафий IX–X вв., отличающей поминальные памятники чиков Тувинской котловины. К сожалению, нет возможности подтвердить, но вероятно предположить существование рядом с этим письменным памятником связанного с ним каменного поминального кургана чикской археологической культуры.

Редкая эпиграфическая находка на р. Эргонхэ принадлежит к бурной эпохе гибели Уйгурского каганата, бегства древних уйгуров на восток, юг и юго-запад и повсеместного их преследования прорвавшимися в Центральную Азию многочисленными войсками Древнехакасского государства. В 843 г. они достигли Восточного Туркестана — западных земель бывшего каганата: от Турфанской впадины до городов Бешбалыка, Кучи и Кашгара. Походы продолжались вплоть до середины IX в. Но, насколько можно судить, в районе Бешбалыка, который был подчинен, обитали телеские племена, отношения с которыми у нападавших были союзническими [Малявкин 1983, с. 21–25, 101, 102, 123, 124 сл.; Кызласов Л. Р. 1981, с. 143, рис. 32; Кызласов Л. Р. 1984, с. 70–75].

Так или иначе, но кимсарская эпитафия является важным и пока единственным материальным свидетельством пребывания близ Бешбалыка носителей енисейского, государственного письма Древнехакасской державы. Палеографическое определение нового рунического памятника указывает и на вовлечение в дальние военные кампании IX в. воинов автохтонного населения Тувинской котловины.

Библиография

1. Батманов, Кунаа 1963: *Батманов И. А., Кунаа А. Ч.* Памятники древнетюркской письменности Тувы. Вып. II. Кызыл, 1963.
2. Васильев 1983а: *Васильев Д. Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала (Опыт систематизации). М., 1983.
3. Васильев 1983б: *Васильев Д. Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983.
4. Васильев 2013: *Васильев Д. Д.* Корпус тюркских рунических надписей Южной Сибири. Ч. 1. Древнетюркская эпиграфика Алтая. Астана, 2013.
5. ДТС 1969: *Древнетюркский словарь.* Ред.: В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л., 1969.
6. Кляшторный, Кубарев 2002: *Кляшторный С. Г., Кубарев В. Д.* Тюркские рунические эпитафии из Чуйской степи (Юго-Восточный Алтай) // *История и культура Востока Азии. Материалы международной научной конференции.* Отв. ред. С. В. Алкин. Т. 2. Новосибирск, 2002. <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/sibirica/Data/larich2/?html=kubklya.htm&mi=izdaniya&id=1383>.
7. Кормушин 1975: *Кормушин И. В.* К основным понятиям тюркской рунической палеографии // *Советская тюркология*, 1975. № 2. С. 25–47.
8. Кормушин 1997: *Кормушин И. В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997.
9. Кормушин 2008: *Кормушин И. В.* Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология. М., 2008.
10. Кызласов 1983: *Кызласов И. Л.* Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. (Свод археологических источников СССР. Вып. Е3–18). М., 1983.
11. Кызласов 1991: *Кызласов И. Л.* Палеографическое исследование азиатских рунических алфавитов // *Советская археология*, 1991. № 4. С. 62–85.
12. Кызласов 1994: *Кызласов И. Л.* Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.
13. Кызласов 1996: *Кызласов И. Л.* Три типа древнетюркской рунической орфографии // 90 лет Н. А. Баскакову. М., 1996. С. 124–136.
14. Кызласов 1997а: *Кызласов И. Л.* Разновидности древнетюркской рунической орфографии. Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* Budapest, 1997. T. L., fasc. 1–3. С. 163–184.

15. Кызласов 1997б: *Кызласов И. Л.* Стелы с руническими надписями на Алтае (К выделению местных групп енисейских эпитафий) // Вопросы тюркской филологии. М., 1997. Вып. III. С. 40–69.
16. Кызласов 1998: *Кызласов И. Л.* Материалы к ранней истории тюрков. II. Древнейшие свидетельства о письменности // Российская археология, 1998. № 1. С. 71–83.
17. Кызласов 1999: *Кызласов И. Л.* Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. М., 1999. Вып. IV. С. 85–112.
18. Кызласов 2010: *Кызласов И. Л.* Новый тип поминальных памятников тюркоязычного населения Южной Сибири (К расселению и ранней истории чиков) // Российская археология, 2010. № 4. С. 88–100.
19. Кызласов 2013: *Кызласов И. Л.* Религиозная природа енисейской письменности. I // Российская тюркология, 2013. № 2. С. 79–90.
20. Кызласов 2014: *Кызласов И. Л.* Сотворение мира глазами пратюрков (рунологические и археологические приметы) // Проблемы востоковедения. Уфа, 2014. № 2 (64). С. 35–41.
21. Кызласов 2015: *Кызласов И. Л.* К выделению автохтонных рунических памятников Тувы VIII–XII вв. // *Alkiš bitig. Scripta in honorem D. M. Nasilov.* Сборник статей к 80-летию Д. М. Насилова. Отв. ред. Е. А. Оганова. М., 2015. С. 195–206.
22. Кызласов Л. Р. 1960: *Кызласов Л. Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология, 1960. № 3. С. 93–120.
23. Кызласов Л. Р. 1965: *Кызласов Л. Р.* О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология, 1965. № 3. С. 38–49.
24. Кызласов Л. Р. 1969: *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969.
25. Кызласов Л. Р. 1981: *Кызласов Л. Р.* Тюхтятская культура древних хакасов (IX–X вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 54–59, 101, 143–146.
26. Кызласов Л. Р. 1984: *Кызласов Л. Р.* История Южной Сибири в средние века. М., 1984.
27. Кызласов Л. Р. 1998: *Кызласов Л. Р.* Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета. История, 1998, № 3. С. 8–35.
28. Малявкин 1983: *Малявкин А. Г.* Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск, 1983.
29. Тыбыкова, Невская, Эрдал 2012: *Тыбыкова Л. Н., Невская И. А., Эрдал М.* Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2012.

Igor L. Kyzlasov

THE YENISEI EPITAPH FROM EAST TURKESTAN

Abstract: *The Yenisei runiform alphabet was an official font of the Medieval Khakas state. The epitaph found in 2007 is important and still unique material evidence of the presence of carriers of these characters near Beshbalyk. The paleographic definition of a new runic*

monument indicates the involvement of soldiers of the autochthonic population of the Tuva Depression in the distant military campaigns of the IX–X centuries.

Keywords: *runology, Yenisei epitaphs, East Turkestan, Beshbalyk*

Перечень иллюстраций:

Илл. 1 — Вид лежащей стелы с енисейской рунической надписью.

Илл. 2 — Надпись, развернутая по горизонтали.

Илл. 3, 1–2 — Могильник близ стелы с надписью. Каменные конструкции с вертикально установленными камнями.

Илл. 4, 1–2 — Менгиры, стоящие близ могильника.